

обвинен по статье 58 (пункт 10) УК РСФСР («за контрреволюционную пропаганду и распространение подрывных антисоветских материалов»), а именно за чтение стихов М. Цветаевой и их распространение) и с марта 1934 по 1939 отбывал ссылку в г. Медвежьегорск (Карелия), работая концертмейстером и дирижером в театре, где играли ссыльные, в их числе и профессиональные актеры из Москвы и Ленинграда.

По возвращении из ссылки О. не имел права жить в Москве и еще 13 городах, поэтому его жизнь в эти годы, как вспоминала его жена, поэтесса Е. А. Благинина, была исполнена «мытарств, поисков работы, беззащитности и неустойчивости» («Краткие заметы»). В 1943 О. мобилизовали в армию, где он прослужил до 1945: сначала разведчиком в противотанковом дивизионе (по авг. 1944), затем в запасном полку. Последствием военной контузии стала тяжелая форма гипертонии, сведшая его в могилу.

Лит. судьба О. не изменилась и после войны: «неравновесие его жизни было устойчивым» (Л. Озеров). Он продолжал интенсивно писать, но его произведения не доходили до печати. Лит. заработок доставляли О. переводы с иностр. яз. и с яз. народов СССР (грузинского, белорусского, литовского и др.). Так, в 1948 он перевел поэму А. Мицкевича «Гражина», в 1952 — главы из «Всеобщей песни» П. Неруды. Он также сочинял тексты для детских передач на радио, писал романы, либретто оперы «Василиса Прекрасная» и музыкальной комедии Г. Донизетти «Свадьба при фонарях».

В 1941–52 О. работал над романом в стихах (10 песен, 12-строчная ямбическая строфа) «**Я видел**» о жизни небогатой дворянской семьи в первые два десятилетия XX в.: «Тураев юн: ни подл, / Ни без ошибок, / Он был, как ветви ветл, / Упруг и гибок. / От аскетизма йогов / К снам Гюисманса / Бродил с пучком итогов / Не без буянства». Множество лирических отступлений органично сочетались с романной линией, даря читателю россыпь житейских и житийных наблюдений, легко и свободно вмещающихся в избранную строфу: «Один отпущен век / По жизни на нос, / Но каждый человек / Немножко Янус. / Неравновесье зыбко — / Из яви в память: / Он золото с улыбкой / Меняет на медь. / И больше жизни медь / Беречь горазд. / Хоть медь лишь помереть / И даст». По завершении романа О. делал безуспешные попытки опубликовать его.

Так в полной безвестности, в глубоком подполье, прошла жизнь поэта О. Отчаянные

интонации его поздней лирики (А. Терезин определил их как «загробные») — не лит. поэза: «Могешь ли ты: / Могу, могу / Сиреной выть в ночи „угу-у!“»

Только после смерти О. стараниями его вдовы Е. А. Благиной стихи стали появляться в газ., сб., альм. Первая поэтическая книга О. вышла в Мюнхене в 1979, а на родине — только в 1991.

Соч.: Устойчивое неравновесье / предисл. А. Н. Терезина; послесл. В. Казака. Мюнхен, 1979; Устойчивое неравновесье / сост. А. Д. Благинин. М., 1991.

Лит.: Благинина Е. А. Окна в сад. М., 1966. С. 65–82; Яновский Н. Забытый поэт: Памяти Г. Н. Оболенского // Лит. обозрение. 1987. № 6; Озеров Л. Георгий Оболенский. Его жизнь и поэзия // Оболенский Георгий. Устойчивое неравновесье. М., 1991. С. 3–10; Благинина Е. А. Люблю мучителя своего все неистовее // Новая Россия. 1997. № 1, 2; Глоцер В. В. Оболенский // Русские писатели XX в.: биографический словарь. М., 2000. С. 507–508.

К. И. Шарафадина

ОБРАДОВИЧ Сергей Александрович [2.9 (14.9).1892, Москва — 25.10.1956, Москва] — поэт.

Родился в семье обрусевшего серба (отсюда — ударение в фамилии на втором слоге), талантливого самоучки, ювелира, изготовлявшего заводные ключики к часам, книголюба и замечательного рассказчика. Мать была перчаточницей. О своем детстве поэт писал в автобиографическом стихе. «**Приказка**» (1946): «Подмастерьем шестилетним / я с отцом за верстаком. / Он сказал,

С. А. Обладович

дымя сигаркой / над сияющим кольцом: / —
Этим камушком-сапфиром / сыты были б цел-
ый год. / Жили б мы с тобой, / Серега,
без нужды и без забот... / Стрекотал сверчок
за печкой / Мать вздыхала в тишине. / Хлеб-
ца корочку сестренка / кланчила в бреду во
сне...» В 1907 О. закончил городскую на-
чальную школу и пошел работать в типогра-
фию. «Слабый физически,— писал Валериан
Полянский,— он с трудом овладевал профес-
сией, но все же к восемнадцати годам стал
мастером. В эти годы он вошел в рабочее дви-
жение...» (С. Обрадович. Избранные стихи /
предисл. В. Полянского. М., 1935. С. 3).

С 1912 О. посещает лекции в Народном
университете им. Шанявского, в том же году
в рабочем ж. «Эхо» (№ 9) было опублико-
вано его ученическое стих. «К свету», затем
перепечатанное в газ. «Правда». Тогда же он
начинает сотрудничать в ж. «Огни», вскоре
закрытом властями. Участник Первой миро-
вой войны, О. воевал на Карпатских перева-
лах (май 1915), был ранен и контужен. Наст-
роенный пробольшевистски, О. вел антиво-
енную пропаганду, организовал братание с
австрийцами, после чего ему пришлось скры-
ваться от суда Временного правительства.

Октябрьская революция позволила О. за-
ниматься лит. работой вплотную. В 1918 он
вступает в студию московского Пролеткульта,
участвует в редактировании ж. «Гудки». Тео-
ретики Пролеткульта понимали искусство в пер-
вую очередь как некую прикладную идеоло-
гию, отсюда качество лит-ры, в основном по-
эзии, виделось им чем-то вторичным. В начале
1920 О. с В. Александровским, Г. Санниковым,
В. Казиным и др. выходят из Пролеткульта
и образуют лит. группу «Кузница», просущест-
вовавшую до 1931. С 1920 по 1927 О. рабо-
тает заведующим лит. отделом «Правды». С
1926 — консультант Лит. ин-та им. А. М. Горь-
кого. В 1927 О. вместе с др. писателями, глав-
ным образом участниками «Кузницы», органи-
зовал лит.-худож. альм. «Земля и фабрика»
(ЗИФ), также просуществовавший до 1931.
1-й номер альм. вышел в сент. 1927 и был по-
священ 10-летию Октябрьской революции.

Первый сб. стихов О. «Взмах» вышел
в 1921. После этого О. издано 24 сб. стих.,
напечатано несколько рассказов и повес-
тей. Стихи О. входили в учебники, хресто-
матии и поэтические антологии. В извест-
ном издании И. С. Ежова и Е. И. Шамурина
«Русская поэзия XX века: Антология рус-
ской лирики первой четверти XX века» (М.,
1925) творчество О. было отнесено в раз-
ряд «пролетарские поэты», но в отличие от
М. Герасимова, В. Кириллова, В. Александ-

ровского, тем более А. Гастева, стихи О.
более элегичны.

Одним из излюбленных поэтических при-
емов О. является как звукопись, так и вообще
своеобразное «звуковидение»: «И день прой-
дет; прошелестят, как мыши, / Часы вечерние
в сентябре; / Сойдутся сумерки толпой не-
слышной / И робко встанут у дверей». (1920).
Поэт показывает стремительное движение пе-
шеходов и машин не с помощью долгой описа-
тельности, но при посредстве емкого звуково-
го штриха: «Шурша лощеною панелью, / Все
так же Невский светлив, / Цилиндр и смокинг
заменив / Рабочей кепкой и шинелью...»
(«Ленинград», 1938). Другой характерной
для О. творческой особенностью стало стрем-
ление к перебою ритма в строфе, к наруше-
нию классической традиции: «А на припеке
шепотом старух / День зашуршал капелью
ранней. / Запел гудок, и подтянул петух. / Чу-
дак петух: до вечера горланил...» («Отпе-
пель. И в комнате теплей...», 1922).

О. прежде всего — лирический поэт, отсю-
да темы любви, природы, творчества с той или
иной степенью успеха совмещались с главными
для тех лет политическими темами — револю-
ционной историей, индустриализации, нового,
социалистического города, противопоставляе-
мого деревне. Так, в духе именно пролетар-
ской поэзии начинается стих. «Имба» (1921):
«Сон беспросветный, / Беспробудный, древ-
ний, / С метелями, под свист сверчка. / Тоска
над смутною судьбой деревни, / Проселочная
тоска...» — и через несколько строф такие:
«И так по-вешнему пахуч бензин. / На шумный
клуб / Дед променял полати / Ушел, ушел от
воркотни лучин, / С глазастым солнцем сел
в соседней хате...» Слово полемизируя с есе-
нинским «Сорокоутом» (1920), О. видит в по-
езде, автомобиле или тракторе весеннего вест-
ника «на стальном коне». Город («Славлю Те-
бя, из гранита и стали, / Город великих начал
и дорог...») у О. имеет две истории, из которых
одна, видимо, не без влияния Маяковского,
изображалась в «оскалах этажей», «обезу-
мевших трамваях», «язвах и лохмотьях», «сы-
тых ртах витрин», а другая — «октябрьскому
страницей двадцать пятой» открывает книгу
бытия («Город» 1921). Тема любви у О. слов-
но стремится преодолеть свою вторичность
в иерархии пролетарской поэзии. И хотя лю-
бовь у поэта — это прежде всего материнство
и детство, тем не менее в некоторых стихах
ощутимо присутствие некоторого эротизма, иск-
ренне и впечатляюще соединенного с аполо-
гетикой действительности: «— Да здравствует...
/ И пить мы будем, / И в битве смертной побе-
дим... / Дремучей кровью крепнут груди / Под

свитером твоим тугим / Ты мир готова, как ребенка, / Привлечь на грудь свою, / И он, / Насытись, засмеется звонко / В порозовевший небосклон...» («**Бег на лыжах**», 1930).

В то время когда слово «Россия» было изгнанным из печатной лексики и заменено словом «республика», О. смело начинает с него стих. «**1924**», посвященное смерти Ленина («Россия... Как в тысячелетие ином...», 1927), что опять же для пролетарских поэтов было нетипично. На поэзию О. обратил внимание М. Горький. 3 апр. 1928 он писал ему из Сорренто: «Ваши стихи, Сергей Александрович, я знаю; давно слежу за ростом Вашего дарования. С искренней радостью вижу, что в книге „Поход“ Ваше „мироощущение“ расширилось и углубилось, что процесс „осознания“ Вами явлений жизни развивается хорошо и непрерывно, о чем говорят мне, читателю, новые темы, обогащение „лексикона“, простота и четкость образов...» (М. Горький. Соч.: Т. 30. М., 1955. С. 89).

1920-е оказались в судьбе поэта наиболее яркими с точки зрения худож. поисков по сравнению с последующими десятилетиями. Оттенки творческой горечи звучат в стих. «**Замысел**» (1935): «...Я одиноко. / И, как аптекарь строгий, / Я мысль кладу и слово на весы <...> Мир распадается, приобретая форму / Жилплощади обычной... / Мгла. / Мир распадается, теряет слово. / Уж полночь. Ты изнемогла...». Публицистические стихи середины 1930-х («**Баллада о неизвестном солдате, зарытом в могиле на площади Парижа в 1918 году**», 1918; «**Бригадир**», 1932; «**Москва**», 1936 и др.) в сущности все более и более становились стихотворными (несмотря на разнообразие ритмического рисунка) иллюстрациями к «Правде» и «Известиям»: «Шагает хозяйкою по борозде, / По стропилам лучистым всходит, — / И всюду люди поют о труде, / Поют о партии, о вожде, / О строителе и садоводе...» («**Баллада о весне 1933 года**»). В статье «**Как не надо писать**» (Лит. учеба. 1939. Ноябрь. (11). С. 75–86), предостерегая молодых поэтов от неточностей, умозрительности, декларативной жизнерадостности, говоря об опасности для поэта зарифмовывать прозаические фразы, О. словно обращается к себе самому. Так, в двух строфах, посвященных 60-летию Сталина, О. сливается с гулом поздравительных стихотворных штампов: «Как рукопожатье друга в бою, (выделено.— В. П.) / Немеркнущей в бурную ночь маяк, / Как знамя мира — в каждом краю / Слово Сталин на всех языках. / И шепчет сыну над зыбкою мать: / — Ты слышишь?.. Освобождая народ, / Красная

Армия — грозная рать / — С именем Сталина в бой идет» (Новый мир. 1939. № 12. С. 139). Стихи военных лет также не стали поэтическим открытием в творчестве О: здесь и «отеческий взгляд» на воинов, идущих в бой, и «в серой шинели Сталин», ведущий на рассвете в атаку гвардейцев, героическая работа в тылу, интернациональная дружба — все это было стихотворным, гражданским, но не поэтическим обращением к читателю. На этом фоне выиграло стих. «**Сожженные отстроят города...**» (1945), посвященное Победе. Выдержанные в классической форме, четыре строфы посвящены надежде на счастье, радости открытия истины, которую народ увидел «Еще яснее в мире затемненном...», неповторимости торжества тех майских дней.

После войны О. занимался переводческой работой. С белорусского им были переведены Янка Купала, Петрусь Бровка, Катусь Киреенко; с украинского — Андрей Малышко; с чувашского — Яков Ухсай, Петр Хузангай; с киргизского — Калык Акыев, Алыкул Осмонов, Аалы Токомбаев; с татарского — Фатых Карим, Муса Джалиль. Неоценимым остается его участие в переводе кабардинского эпоса «Нарты». В позднем творчестве поэт снова обращается к теме любви, которая, как и в произведениях 1920-х, раскрывается через лирическое «Я», а не газетно-отстраненное «мы», тем самым возвращая дух проникновенности и доверительности, с которым О. начинал свой поэтический путь: «Краткое, как вздох, одно лишь слово / Ты мне прошептала в этот вечер... / Помнишь: сорок лет тому назад / Уходил на фронт во тьму солдат...» («**Что со мною было в этот вечер...**», 1953).

Соч.: Сдвиг: стихи. М., 1921; Стихи о голоде. М., 1921; Поход. М.; Л., 1922; Огненная гавань. М., 1922; Капель: стихи. М., 1922; Винтовка и любовь: стихи. 1921–1923. М., 1924; Город. М., 1924; Митинг: Избранное о революции, любви и труде. М., 1924; Октябрь. М., 1924. Май. Л., 1925; Избранные стихи. М., 1926; О молодости: стихи. М.; Л., 1928; Город: Стихи и поэмы. М., 1929; Избранные стихи. М., 1933; Рабочий фронт: стихи. М., 1933. Новоселье: стихи. М., 1934; Дороги: стихи. М., 1947; Избранное: стихи и поэмы. М., 1954;

Лит.: Полянский В. [Предисл.] // Обрадович С. Избранные стихи. М., 1935; Волье Л. Поэзия труда и весны // Обрадович С. Стихи. М., 1970.

В. А. Прокофьев

ОВЕЧКИН Валентин Владимирович (псевдонимы Буревой, Валентин Буревой, В. Савельев) [9(22).6.1904, Таганрог — 27.1.1968, Ташкент] — прозаик, публицист, драматург.